

Мамара Муканова

режиссер-аниматор,
член Союза кинематографистов РК,
лауреат премии им. Г. И. Чорос-Гуркина

ХУДОЖНИК ГРИГОРИЙ ЧОРОС-ГУРКИН

С глубокой древности алтайцы поклонялись верховному богу Кёк-Тенгери и его божественным ипостасям: Огню, Земле-Воде, Дереву-Камню, Луне и Солнцу, Алтай Ээзи, Умай-Эне. Ранним утром в новолуние приходили к реке, поднимались на гору, воскурjali священный можжевельник, кропили молоком, пели славу богу жизни и света Улу Кеен Кудаяу – Безграничному-Великому (Ульгену).

Душа алтайца издревле склонялась перед величием Природы, которую и прозвала не иначе как Ар-Бюткен – Чисто Созданная, а родную землю Алтай восславилa в тысяче и ста тысячах имен. Одно из них – Хан-Алтай (Царь Алтай). Под этим названием и увидела свет одна из культовых живописных картин художника Григория Ивановича Чорос-Гуркина.

Наша история о том, как рос, развивался и мужал гений алтайского народа, как уникальным талантом стяжал широкое признание сибиряков, как, будучи неравнодушным к горькой доле своего малочисленного народа, включился в политическую деятельность, шесть раз оказывался под арестом и в кровавом 1937-м разделил трагическую участь миллионов безвинных жертв. Репрессивный режим сделал все, чтобы вычеркнуть из памяти народа имя художника, но не учел одного обстоятельства: режимы уходят, а творения искусства остаются, и чем более проходит времени, тем ярче сияют звездные имена истинных творцов.

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Когда небожительница богиня Умай-Эне по высочайшему (всенепременно) повелению Кёк-Тенгери сняла со священной березы суус (эманацию) ребенка-мальчика в виде светящейся серебряной звездочки, омыла ее в водах Молочного озера и, прибыв с небесных пределов в Срединный мир, опустила в тундик чоросов драгоценный дар, на календаре стояла дата: 12 января (по-новому стилю) 1870 года.

Селение Улала (ныне Горно-Алтайск, столица Республики Алтай, РФ), в которой родился будущий живописец, располагалось на слиянии двух горных рек в предгорье Алтая. Искусствовед Владимир Иванович Эдоков, тщательно изучавший жизнь и творчество художника, автор трех книг о нем, пишет: «... *здесь в начале XIX века перекочевало несколько семей бочатских телеутов Кузнецкого округа. Так что в числе основателей Улалы был зажиточный телеут Гурке (Гри-*

горий) Тыдык. *Двухэтажный дом на берегу Улалушки достается единственному сыну Ивану».*

Позже в объяснительной записке на допросе ОГПУ¹ Г. И. Чорос-Гуркин по понятным причинам даст несколько иную картину своего социального статуса: *«Отец мой был инвалид – хромой, кустарь-шорник и седельник. Мать-крестьянка из с. Березовки, занималась огородничеством и садила табак. На вырученные средства воспитывала нас, троих детей: сестру Наталию, меня и брата Степана. В детстве у меня и сестры заболели глаза, докторов не было. Лечили монашки, пускали в глаза какие-то порошки, в результате у сестры один глаз вытек, а у меня правый глаз лишился света на всю жизнь... И я не имею понятия, как люди с двумя глазами видят природу. Отец мне не давал рисовать, рвал мои рисунки, заставлял работать. Мать мне сочувствовала, желала, чтобы я учился грамоте и читал книги».*

Впрочем, по замечанию исследователя, отец художника, Иван (алтайское имя – Эрке, что означает Ласковый, Балованный), и в самом деле особого усердия к ведению хозяйства не выказывал, зато имел страсть к шорничеству, изготавливал седла и прочие детали для конской упряжи, шил мастерски сапоги, то есть тоже по-своему был художником. Своему ремеслу отец обучил и сыновей. Одновременно дети посещали церковно-приходскую школу с начальным образованием.

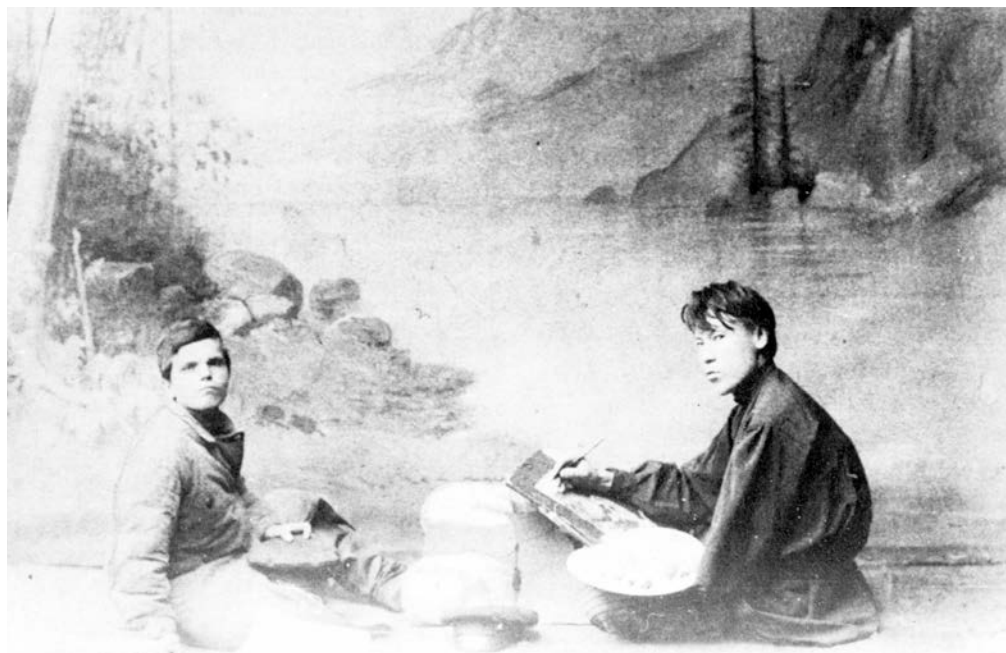
Там же у Эдокова: *«Церковь – главный стан Алтайской духовной миссии основал архимандрит Макарий, 1830 г., школа открыта в 1838 году... Все жители Улалы обязаны быть крещеными...»* Требование неукоснительное, обсуждению не подлежало, в противном случае нарушитель порядка должен был покинуть поселение. Так что семейство Гуркиных уже в третьем поколении значилось в числе православных христиан, но как! – на миру исполняли церковные обряды, а у себя дома свои, привычные.

В 1879 году Улалу посещает известный к тому времени путешественник, ученый Томского университета Г. Н. Потанин. Он оставил следующее свидетельство: *«При школе есть иконописный класс: мальчики под руководством о. Антония рисуют масляными красками. К сожалению, занятия детей ограничиваются копированием икон, писанных масляными же красками и иногда акварелью: с натуры не рисуют».*

У отрока Григория Гуркина рано проявился дар к рисованию, что позволило ему впоследствии трудоустроиться в иконописную мастерскую уездного городка Бийска, находившегося в ста километрах от Улалы. Здесь он получит навыки работы масляными красками более углубленно, параллельно ознакомится с религиозной литературой по христианству. Однако же первая живописная работа художника, притянувшая внимание публики, будет на тему шаманской мистерии – *«Ночь жертвы (Камлание)»* (1895 г.).

Находясь в Горном Алтае для сбора этномузыкального материала, на эту картину обратил внимание ученик регентских курсов Петербургской певческой капеллы Андрей Анохин, который *«...настолько проникся дарованием самоучки, что уговорил его поехать вместе с ним в столицу и там продолжить свое образование».* (Здесь и далее цитаты без указания авторства даются из книг В. И. Эдокова.)

¹ ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР.

Санкт-Петербург. 1897 г.

Григория особо уговаривать не нужно было – он давно носил в душе мечту о высоком художественном образовании, нужен был лишь внешний толчок, и он получил его в лице романтического ровесника, а потом и друга-единомышленника. Между тем Григорию уже было 26 лет. Жена его, Мария Лузина, дочь русских поселенцев Увалы, родила первенца – дочь Машу и, естественно, была против нелепых идей мужа. Однако же непоколебимый в своем решении молодой отец семейства в течение года с одержимым рвением расписывает иконы на продажу, выручает за них 800 рублей: половину оставляет семье, половину берет себе – и в октябре 1897 года вместе с Анохиным прибывает в столицу. На руках Гуркина рекомендательное письмо от Томского Общества любителей искусств, подписанное его руководителем – художницей Августой Степановной Капустиной, а также внушительное количество графических и живописных работ.

ЗВЕЗДНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Надеюсь, читатели с пониманием воспримут несколько старомодный высокий тон и образный ряд данного повествования. Когда сопоставляешь факты жизни человека, родившегося в самой глубинке российской окраины и, тем не менее, имевшего дерзкую мечту стать студентом Императорской Академии художеств, по-другому не получается, ибо здесь правит поистине иная реальность, иные энергии двигают случаем и судьбой человеческой. Дело в том, что доступ в Академию для Гуркина был закрыт изначально, как ныне говорят, по умолчанию. Причина обоснованная: низкий образовательный ценз и, конечно же, возраст абитуриента. Ясное дело, при тамошних строгих правилах даже самое внушительное губернское рекомендательное письмо не могло и не должно было возыметь силу нарушить принятые правила госучреждения, а потому бедному просителю пришлось бы ни с чем вернуться домой, если бы... если бы не вмешательство

Его Величества Провидения в лице добрейшего Ивана Ивановича Шишкина, досточтимого академика, профессора Императорской Академии художеств, предложившего крайне обескураженному инородцу следующее: *«Зачем тебе академия? Вот холст, кисти и краски, садись и рисуй со мной»*.

Предложение было столь неожиданным, столь простым и по-отечески сердечным, что образовалась, надо полагать, большая пауза. Первым неловкое молчание прерывает вице-президент Академии художеств профессор И. И. Толстой *«Лучшего положения вам не найти... Иван Иванович сам принимает участие в вас. Вам надо согласиться на это»*.

«Они как бы нашли друг друга: один – своего учителя, другой – ученика, составив идеальное, редкое, но всегда желанное содружество двух поколений, – тонко подмечает Эдоков. – Повезло Гуркину и в том, что буквально на его глазах Шишкин заканчивал одно из лучших произведений русского реалистического пейзажа – картину “Афанасовская корабельная роща близ Елабуги”... Это была лучшая школа для начинающего пейзажиста. Процесс создания многоплановой пейзажной картины разворачивался перед ним во всей своей сложной последовательности. Он видел, как из бесчисленного множества рисунков и этюдов отбирались самые необходимые...»

В упорной, без выходных работе прошла зима 1897–1898 годов. Весной, 20 марта (по старому стилю), как всегда, ранним утром оба труженика сели каждый за свой мольберт. Вскоре Гуркин услышал тяжелый, хриплый вздох, обернулся и увидел, как Иван Иванович, с вскинутой кистью в руке, медленно валится набок. Гуркин немедленно вскочил, успел подхватить падающего, но Учитель уже не дышал.

Иван Иванович Шишкин, великий русский художник и величайшей души человек, скончался во время работы, за мольбертом: бессмертная душа покинула тело на высшей точке жизнедеятельности его хозяина. Подобное случается редко.

Вечная, светлая, благородная память!

Более полугода Гуркин провел в Петербурге, принимая самое деятельное участие в подготовке посмертной выставки своего Учителя.

Из заветов И. И. Шишкина: *«...Вот, вспомнил родные елабужские места. Детство мое в сих лесах протекало. Лес вырастил меня и как художника, и как человека... С тех пор и люблю по-настоящему русский лес, и только его и пишу. Художнику нужно избрать одно, что ему больше всего полюбилось. И вам советую полюбить одно. Только тогда будете с успехом совершенствовать любимое. Разбрасываться никак нельзя...»*

Благодарный ученик в полной мере остался верен завету Учителя. Гуркину *«не приходилось тратить, подобно другим, целые годы на искание самого себя»*. Он любил свою землю – Золотоспинный Хан-Алтай с запахом можжевельника. Алтай и алтайцы стали центральной темой творчества художника.

Ровно через год Григорий Гуркин будет зачислен в Академию художеств в пейзажный класс профессора А. А. Киселева, имевшего многолетний опыт работы над пейзажами Кавказских гор. Студент получит статус вольнослушателя, и это означало, что учебные классы можно посещать по выбору, экзамены (творческие отчеты) сдавать по обстоятельствам, а все остальное время ему позволялось подолгу находиться дома. *«Советы и указания знатока и известного мастера русского реалистического пейзажа помогли ему впоследствии. Признательность Киселеву Гуркин сохранил до конца своей жизни»*.

Следует поведать также о том, что при описи работ Чорос-Гуркина уже после его реабилитации были обнаружены картины и рисунки российских художников с дарственной надписью Гуркину: это И. И. Шишкин, В. Е. Маковский, В. М. Максимов, А. О. Никулин.

Каждый год с приходом весны Гуркин направлялся в глубь Алтая и подолгу гостил в аилах, делал бесчисленные зарисовки с подробнейшим описанием назначения и применения предметов быта, утвари и одежды. Он словно предвидел, что с переходом к оседлой жизни многое в кочевой культуре исчезнет безвозвратно.

С 1903 года Григорий Гуркин с женой Марией и детьми переедут жить в село Анос (по-алтайски – Онос), расположенное на живописном берегу Катуни. Всего детей в семье было пятеро: Мария Григорьевна (Гуркина) Зырянова (1895–1964/5?), Александр Григорьевич Гуркин (1901? – 191?), Ангелина Григорьевна (Гуркина) Штерн (1903–1948?), Геннадий Григорьевич Гуркин (1904–1937), Василий-Сартакпай Григорьевич Гуркин (1907–1961?)². Здесь отец семейства своими руками построит жилой дом из трех комнат, просторную мастерскую с большими окнами и алтайскую бревенчатую юрту возле небольшого пруда, который сам же и соорудит на горной речке. Сюда по весне будут прилетать лебеди.

В ноябре 1904 года совет профессоров дает студенту-вольнослушателю разрешение представить картину на соискание звания художника, однако этому помешают январские события 1905 года. Академия временно прекращает занятия. В связи с этим, а также по семейным обстоятельствам диплом Гуркин не получит, зато, как покажет жизнь, станет профессионалом в избранной деятельности.

ХАН-АЛТАЙ

В декабре 1907 года в городе Томске, в губернском центре, куда входила Улалинская волость, состоялась первая персональная выставка художника. Она стала таким необычайным и выдающимся явлением, что неделя проведения выставки была названа неделей Гуркина. Выставку художник сопроводил литературно-поэтическим эссе с целью наиболее полного ознакомления русской публики с культурой, мироощущением и мировосприятием своего народа: «...*Алтай не просто горы, леса, реки, водопады – а живой Дух. Туманы, его прозрачные мысли, бегут во все страны мира. Озера – это его глаза, смотрящие во Вселенную. Водопады и реки – его речь... Ульген дал алтайцу способность жить, как живет орел на утесах и кручах скал... Только горный орел да вечнозеленый кедр чувствуют себя здесь как дома...*»

В дебюте алтайского художника самое живое участие принимает крупнейший ученый Сибири, профессор Томского университета семидесятидвухлетний Григорий Николаевич Потанин. Интеллигент высочайшего духа, каким мы его знаем, отнюдь не претендуя на роль искусствоведа, однако же всем сердцем желая популяризации творчества начинающего художника, размещает в местной газете статью под заголовком «Этнографическая часть выставки Г. Гуркина». Автор пишет: «*Картина “Хан-Алтай” не представляет в своем целом снимка*

² Даты жизни детей уточняются.

с определенной местности: это композиция по этюдам, сделанном среди вечных снегов Алтая. Художник хотел в этой картине дать синтез впечатлений, которые восприимчивый человек уносит с собой... Алтайец одухотворяет Алтай, в его глазах это не мертвый камень, а живой дух... Он проникается благодарностью и уважением к своей горе, а величие снежных вершин внушает ему и боязнь перед горой. Он не может ее назвать иначе как "Хан-Алтай", то есть "Царь Алтай" или царственный Алтай".

Профессиональный анализ экспонатам выставки дала в нескольких номерах газеты выпускница Императорской Академии художеств томичка Л. П. Базанова. «Хан-Алтай» она назвала «гвоздем выставки». Коллега-критик писала: «Перед зрителем раскинулись вершины Алтайского хребта, обнаженные скаты гор покрыты снегом, надвинувшиеся облака набрасывают тень на удаленный хребет. В высях парит орел. Картина написана широко и точно. Вершины гор хорошо прописаны, как и правая часть картины, – дерево же на левом плане далеко не закончено, но это небольшой недостаток. Как легко и прозрачно переданы облака, особо задний план неба. Сколько чувства в нем, глубины, картина богата настроением».

Годом позже в популярном еженедельном общероссийском журнале «Нива» выходит обстоятельная статья петербургского художника и критика М. Далькевича, посетившего томскую выставку: «Раз народившись – искусство эволюционирует, развивается, достигает известного совершенства, падает, но никогда не умирает... Так и искусство, которое теперь появилось на свет в глухой Сибири, при современных условиях ее жизни, при ее возрастающем общении с остальным миром – пойдет вперед обычным путем.

Явятся новые художники, подымут его до европейского уровня, но первым на этом пути останется Г. И. Гуркин, и в этом его огромная заслуга перед родным краем, который он приобщил к искусству и его радостям».

Вслед за этой выставкой последуют еще две в Томске (1910, 1915), Барнауле (1911), Красноярске, Иркутске (1911). В числе прочих будут выставлены пейзажная живопись «Катунь весной», «Корона Катуня», «Озеро горных духов», «Озеро Каракол», «Белуха», «Кедры над перевалом», а также множество жанровых и портретных работ. Графику художника, этнографические зарисовки с подробными записями к ним особо отмечает В. И. Эдоков: «В этой области его заслуги просто бесценны. За свою жизнь он сделал около трех тысяч рисунков, изображающих жизнь и быт алтайцев... Рисовальные альбомы Гуркина – это своеобразные дневники эпохи».

С Григорием Николаевичем Потаниным. Мастерская художника. Село Анос

Цитата из статьи А. В. Адрианова, профессора Томского университета: *«Гуркин – выдающееся явление Сибири. А эти моменты в высокой степени характерны и поучительны. Они дают примеры, как трудно в наших русских общественных условиях выплыть дарованию и получить подлежащее развитие. Они требуют стечения счастливых обстоятельств и, наверное, борьбы, чтобы дарование не заглохло и не погибло...»*

Григорий Гуркин, уже признанный мастер, носил мечту открыть выставку на Дальнем Востоке, во Владивостоке, и далее в Японии, планировал выставиться в Москве и Петербурге. Но этому не суждено было сбыться, на пороге стоял 1917 год.

В КРУГУ СОЗВЕЗДИЙ

Обращаясь к жизни Г. И. Чорос-Гуркина, нельзя обойти стороной то окружение, ту духовную среду, в которой зрел и крепнул талант художника, формировалась его личность. Имена Анохина, Капустиной, Шишкина, Киселева, Потанина, Базановой, Далькевича, Адрианова уже были названы нами. Но это отнюдь не полный список дружеских и деловых связей.

Гуркин в тесной дружбе состоял с писателем Вячеславом Яковлевичем Шишковым, автором знаменитого романа «Угрюм-река», рассказов и повестей «Страшный кам», «Чуйские были» и множества других замечательных произведений. Так, на афише выставки в Томске (1915 г.) распорядителем значится не кто-нибудь, а сам Шишков. Будучи начальником партии по исследованию Чуйского тракта, он не раз заезжал в Анос, селение художника. Один из исследователей жизни и творчества художника Г. И. Прибытков отмечает, что *«...в основе связей Шишкова*

с Чорос-Гуркиным лежит не один какой-то, а ряд моментов творческой практики писателя. Ведь творчество аносского художника многогранно и способно дать немалый материал для творческих размышлений».

Здесь же бывали поэты И. Тачалов, Г. Гребенщиков, Г. Вяткин, ученые из вузов Томска: археолог, этнограф и известный публицист, автор самой большой статьи-очерка о Чорос-Гуркине – А. В. Адрианов, физик Б. П. Вейнберг, геолог Г. Д. Тюменцев.

Цитата из Эдокова: *«Осознавая свою прогрессивную роль, сибирская промышленная буржуазия и в равной степени с ней растущая прослойка сибирской интеллигенции, сгруппировавшаяся главным образом вокруг профессорско-преподавательского состава Томского университета, в целях собственного самоутверждения стремилась поднять уровень творческой жизни Сибири, повысить степень развития ее художественной культуры...»*

Общественную сторону жизни художника, его связь с областниками со всей тщательностью и с пристрастием раскрывает уже упомянутый искусствовед Гаврил Иванович Прибытков в монографии «Чорос-Гуркин» (Горно-Алтайск, 2000). Но сначала данные «Википедии»: *«...Сибирское областничество – общественно-политическое течение среди сибирской интеллигенции (середина 1850-х годов – начало XX века...) Областничество зародилось в петербургском кружке сибирских студентов, в который входили Григорий Потанин, Николай Потанин, Серафим Шашков, Николай Наумов, Фёдор Усов и другие... Выступали в защиту “инородцев”, против колониального гнета... Рассматривая Сибирь как политическую и экономическую колонию России, а сибиряков – как новую сибирскую нацию, отдельные областники выдвинули лозунг отделения ее от России или предоставления Сибири автономного статуса».*

Хотя в перечисленных именах не значится имени А. В. Адрианова, читаем у Прибыткова: *«Занимая активную и в целом прогрессивную позицию на стороне угнетенных царизмом малых народов Сибири, видя выход из создавшего положения в их автономии, А. В. Адрианов способствовал пробуждению у аносского художника интереса к общественно-политической жизни алтайского народа. Хотя этот интерес не опирался на достаточно глубокое познание Чорос-Гуркиным вопросов правовой, политической жизни и других социологических проблем, он находил живой отклик в эмоциональном сознании художника...»*

На свою последнюю дореволюционную выставку в 1915 году в Томске художник по обыкновению представляет большой лирический очерк-эссе (его любимый литературный жанр – стихотворение в прозе) «Алтай и Катунь», в заключительной части которого читаем: *«При слабом свете потухающего костра в дымной юрте спит алтаец. Грезится ему сон. Встают перед ним старые мирные годы. Цветет-благоденствует могучий родной край. Нет ядовитой зависти, простой народ живет по-братски. Быстро летят годы. Картина жизни меняется. Являются новые люди, свирепствует зависть, обман, вражда, притеснение. Беспощадно вырубаются и горят душистые леса, приют благородных маралов. Расхищается, опустошается его кормилец Алтай. И в душе остаются глубокие обиды...»*

Должна отметить, что перечисленные беды бытуют на Алтае и поныне. История имеет тенденцию повторяться. Постсоветский капитализм несет в себе ту же хищническую сущность, какую имел полтора столетия назад: ныне берега Катуня в нижнем течении, а также курортные зоны региона стали собственностью

олигархов из разных сибирских городов, а также власть предрержащих. А там, где земля не раскуплена, начиная с 90-х перестроечных безжалостно, бездумно, бесхозяйственно вырубается лесные массивы, каждый год горит кедровая тайга... О туристах, большей их части, тоже ничего похвального не скажешь. Если бы каждый из них еще в младенчестве, с самых первых своих шагов получил уроки пантеизма, если бы от родителей слышал, что «...*Алтай не просто горы, леса, реки, водопады – а живой Дух. Туманы, его прозрачные мысли, бегут во все страны мира. Озера – это его глаза, смотрящие во Вселенную. Водопады и реки – его речь...*», разве позволил бы он себе, повзрослев, аршинными буквами делать надписи на скалах, оставлять после себя осколки от стеклянных бутылок – источники самовозгорания сухой травы, кричать и горланить на всю тайгу, отпугивая лесную фауну, смог бы он Матушку Землю рассматривать как предмет купли и продажи?!

Цитата из «Чуйских былей» (1914 г.) В. Шишкова: «*Через Кош-Агач Чуйский тракт идет. Узкой тропой соединяет он сибирский город Бийск с монгольским – Кобдо.*

Весь бы этот тракт серебром можно вымостить да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов. Весь бы тракт можно слезами залить, что сочилились из узких глаз полудиких, с чистой душой кочевников; такой большой обидой и горем наделил их русский неистовый, алчный хищник».

Проводя аналогию времен, выявляя в прошлом настоящее, стоит отметить, что ныне это хищное лицо представляют не только одни русские, оно стало многоликим и многоголовым, наподобие ненасытного семиглавого Дельбегена из алтайских мифов.

ПРЕРВАННАЯ СКАЗКА

Глубокую обиду алтайцев видела и высказывалась о ней не только совестливая часть томской интеллигенции, не только страдающий своему народу художник-гуманист, но и те, кто имел в сердце своем истинную, а не ложную веру. Из отчета алтайских миссионеров 1906 года: «...*И самый недалновидный из калмыков не может не ожидать окончательного поглощения алтайского племени русским народом, когда они окажутся насквозь просоленными последними... Между тем идея национальности, любовь к родному краю, привязанность к дедовским обычаям – очень живучи в алтайцах. Появление пророков, сказание о легендарном Ойроте, ожидание какого-то переворота – все это суть симптомы той трагедии, которая скоро начнется на Алтае...*»

Судьба народа, как в капле воды, отражена в жизни каждого человека, но в судьбе художника его трагедия и боль обретают особо пронзительное звучание. Мог ли Чорос-Гуркин остаться в стороне от политической жизни, когда его народу грозило полное исчезновение? Мог ли он из своих картин соорудить щит и спрятаться за ним, лишь бы не видеть надвигающуюся бурю? История дальнейшей жизни художника и ее трагический конец показывают, что нет, не мог он отойти в сторону, «...*хотя бы потому, что он, ко всему прочему, был порядочным человеком*» (В. П. Чукуев). Вот почему события 1917 года в России приводят Г. И. Гуркина к национально-освободительному движению малых народов Сибири. Он, как и многие его соотечественники, мечтал об автономии алтайского

народа со столицей Кара-Корум. В июле 1917 года он возглавит Горную Думу, орган автономного самоуправления, станет ее председателем. Именно за нее – «автономию» в 1919 году с приходом на Алтай адмирала Колчака Григорий Гуркин дважды отсидит в бийской тюрьме: «В жизни своей я был кровным защитником всех интересов своей родины: самоопределения и автономии алтайского народа. За сохранение его национальной культуры, языка, быта... Я, как неразрывная часть его национального духовного тела, чувствовал, знал и боролся против только насилия и несправедливости. <...> Думаю и крепко верю, что в этом деле нам, алтайцам, помогут и добрые русские люди, но не те русские, которые развращают и губят свое государство и ведущие его по ложному и опасному пути, а те славные и благоразумные и любящие свою страну... Член Каракорум-Алтайского уездного Земства, художник алтаец Григорий Гуркин, 1919 г. 3-го февраля, Бийская тюрьма».

«Неизвестно, помогло именно это письмо или помогли другие мощные силы, но в конце 1919 года Гуркин был выпущен из тюрьмы, – пишет В. И. Эдоков. – Не теряя времени, он забрал сыновей, которые учились в Улале, упаковал свои произведения и конным караваном отправился в Монголию, отлично понимая, что в смертельной схватке между Сциллой и Харибдой у него мало шансов остаться в живых».

6 марта 1919 года Григорий Гуркин, следуя принятому к тому времени обычаю алтайской элиты добавлять к своей фамилии родовое имя, впервые на прекрасном карандашном портрете Волчана (член Совдепа, сокамерник) приписывает свой род «Чорос». С этого времени художник подписывается: Григорий Чорос-Гуркин.

Необходимо заметить, что с карандашом и блокнотом художник не расставался ни в какое время: сохранился бегло сделанный карандашный рисунок, на котором дан как бы двойной портрет-зарисовка (крупный план головы и общий план сидящей за столом фигуры, занятой чтением) знаменитого алашордынца Алихана Букейханова, Нур-Мухаммеда, в 1937-м разделившего трагическую участь миллионов жертв, истинных патриотов родной земли. С присущей ему скрупулезностью художник указывает на листке с рисунком имя и фамилию, возраст портретируемого: «49 лет, род тёрё (ак сук), потомок Чингис-хана», дает пояснение:

«Все потомки Чингис-хана называются тёрё», указывает время исполнения и место – 5 августа 1918 год, г. Омск. (По-видимому, встреча двух лидеров была вызвана необходимостью обсудить организационные вопросы только что создан-

Общественно-торжественная Котла из Красной Бронзы. Вывезен из Минусинска. Ширина Тару, высота больше.

Бронзовые Котла.

Рисунок. Фанла Алаш-орда.

Букейханов

Алихан-Нур-Мухаммед
49 лет (объяв. тёрё)
(или ак. сук.)

Потомок Чингис-Хана.

Все потомки Чингис-Хана -
называются "тёрё".

5 Авг. 1918.

Омск.

ных автономий.) В верхней части листа также дается рисунок казахской юрты, левее надпись: «Общественно-жертвенный котел из красной бронзы, вывезен из Минусинка. Ширина 1 арш., высота больше». Самого рисунка на листе нет, по-видимому, он был сделан на другом развороте листа, который, возможно, потерялся в сумбурных перипетиях тех лет.

В Монголии, а затем в Туве художник проживет около шести лет. Этот период его творчества был не менее плодотворным, хотя тягот и лишений (в том числе еще

одного ареста) Гуркины испытали сполна: «...Родину-мать я понимаю так: для каждого человека, зверя, птицы прежде всего Родина – та, где он родился, вырос. Хороша она для него или плоха, сурова или неприветлива... И где бы он ни был в других местах, далеко от нее, он ее помнит... И зверь или человек... не забывает о ней и стремится хотя бы на миг побывать, увидеть родные места. Старый марал идет помирать в тот лог, где он родился».

В двадцать пятом году Чорос-Гуркин направил письмо в Москву в Комиссариат иностранных дел с просьбой разрешить ему вернуться на родину. Сыновей он отправил домой при первом удобном случае. Вскоре, получив разрешение, художник вернулся в родной Алтай. Он полон планов, и первый из них: создание проекта художественной школы в Аносе и его претворение в жизнь. Однако дом и мастерская к тому времени были национализированы, превращены в интернат для детей-сирот. Семья квартировала в Ойрот-Тура (бывшая Улала). И тем не менее в 1926 году он принимает участие в восьмой выставке Ассоциации художников революционной России в Москве, посвященной теме «Жизнь и быт народов СССР». Художник выставил *«более двух десятков работ, отражающих природу, быт народов Горного Алтая, Монголии, Урянхайского края»*. Здесь он получит высокую оценку наркома просвещения А. В. Луначарского: *«Отмечу еще замечательные по тонкости живописи, прямо-таки драгоценные по краскам пейзажи Чороса-Гуркина, ойротского³ художника. Как забралась на Алтай такая утонченная техника – я уж не знаю»*.

Местное руководство долго не могло определить своего отношения к возвращенцу, и только в 1928 году было позволено ему поселиться в своём доме в Аносе. С этого времени начинается новая полоса колоссального творческого

³ С 1922 по 1948 год на территории Горного Алтая существовала Ойротская автономная область в составе РСФСР с центром в Ойрот-Туре, бывшей Улала. В 1948 году область переименована в Горно-Алтайскую автономную с центром в городе Горно-Алтайске, а в 1992-м получила название Республика Алтай, центр – г. Горно-Алтайск).

взлета Г. И. Чорос-Гуркина. С мольбертом и карандашом в руках он посетит все уголки Среднего и Верхнего Алтая, а также верховье реки Бии, называемое Дышш Алтай – Таежный Алтай. Большой альбом рисунков этого периода, несмотря на страх ареста, сумела сохранить Люся Ковалева, жена Геннадия, старшего из сыновей. Это ведь она принесет работы свекра в музей Горно-Алтайска после реабилитации честного имени Г. И. Чорос-Гуркина.

Советская власть давала большие заказы на тему новой социалистической жизни алтайцев, и художник охотно, со всей чистосердечностью откликался на них. Он искренне считал, что Советы явились благом для трудового народа, для алтайцев в частности.

Привожу три отрывка из двух больших, обстоятельных семейных писем, написанных дочери Ангелине за два месяца до трагического ареста. В. И. Эдоков назвал их письмами-завещанием. Это невероятной силы документы о внутренней жизни художника, в них высказано все, чем жил, чему радовалось и волновалось сердце человека в возрасте осени.

«С утра выглянуло из-за Куюмских гор весеннее солнце. Осветило нежно, красочно, воздушно Онос, долину Катуня, горы, Ит-Каю! И пошла Музыка! Воздух до того чист и свеж, что кажется, за сотни верст можно ясно видеть Белуху! Небо до того нежно-голубое и прозрачно бездонное, что нет красок, которыми бы можно его изобразить, и слов, которыми описать его алтайскую голубизну, нежность и ласковость...»

«Вы знаете, меня обвинили, судили в разных злодеяниях против политики Советской власти, больше по клязам и доносам (злых духов). Меня два-три раза доставляли на Красный суд. На суде было много народу и много обвинений против меня. Говорили, что я получаю письма из Японии... и многое другое, и все некрасивое, грязное и бессмысленное, ничем не обоснованное. На суде я, благодаря своему прямому характеру, сказал в защиту себя речь... Думал, что если на меня врут люди низкие, жалкие, и меня за это судят, то пусть выслушают на Красном суде всю правду...»

«Сижу и пишу это письмо в третьей комнате (кухне). На полу около меня две новых жизни – два теленочка. Один красненький со звездочкой на лбу, другой родился вчера – черненький, как галочка: черный-пречерный. Встает, ходит, тычется носом (инстинктом, данным природой), ищет мать, молоко... Вот, значит, будет у нас молочко свое...»

Письма заканчиваются приписками, в первом: *«Ваш дедушка Чорос. Пишите»*, во втором: *«Ваш дедушка Чорос-Гуркин. 1937 – 10-го апреля. Онос»*.

После трехкратного допроса в 1934–1936 годах художника оправдают. Об этом сказано в его последнем письме-завещании, а спустя два месяца, в июне 37-го, последует новый арест. Также аресту подвергнется, как сын врага народа, старший из сыновей – Геннадий. Будет арестован и младший – Василий-Сартакпай. Он в это время исполнял обязанности диспетчера-коменданта на железной дороге в Уссурийском крае. Ему придется отбывать ссылку в Магадане. Дочери Мария и Ангелина с семьями в это время проживали за пределами Горного Алтая: Галя в Горьком на Волге, Маня на Дальнем Востоке. Жена Мария Агафоновна была похоронена тремя годами раньше в Ойрот-Туре, на кладбище рядом с родителями. (Сведения эти взяты из писем художника детям.)

НЕМЕРКНУЩАЯ ЗВЕЗДА

И вот последний день жизни – 11 октября 1937 года. В эту ужасную ночь художника не станет. Примут смерть вместе с ним еще семеро его соотечественников. На третью ночь не станет Геннадия. Всем вменялась одна и та же «вина-намерение» (дело № 7963): «Свержение Сов. власти вооруженным путем», а также «создание буржуазно-демократического государства под протекторатом Японии». (Ну да конечно, сидя возле теплой печи, любуясь новорожденными телятами и чистым небом над Аносом...)

Известно, что приговор приводится к исполнению после того, как подсудимый признается в содеянном. Но каким образом добывается это признание? Стоит прочитать заявление театрального режиссера Мейерхольда на имя Молотова, ныне опубликованное в Интернете, в котором шестидесятишестилетний подсудимый описывает свое крайне тяжелое психо-физическое состояние после пыток и просит высокое лицо о спасении, просит дважды. Опускаю сцены с описанием физического истязания и «психической атаки», процитирую лишь финал письма: «...то и другое вызвало во мне такой чудовищный страх, что натура моя обнажилась до самых корней своих... “Смерть (о, конечно!), смерть легче этого!” – говорит себе подсудимый. Сказал себе это и я. И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то приведут меня на эшафот...» Через три недели Всеволода Эмильевича Мейерхольда не стало (1940 г.).

«Следователь К. Хуснутдинов, ведиший в 1937 году дело № 7963, в ноябре 1955 года допрошенный как свидетель, на вопрос: “...соответствует ли действительности предъявленные им (Подсудимым. – Т. М.) обвинения и показания самих обвиняемых?” – ответил: “Я должен признать, что предъявленные обвинения всем этим лицам и показания этих обвиняемых не соответствуют действительности... Обвиняемые подписывали протоколы допроса или давали показания путем внутрикамерной обработки” (Выделено мной. – Т. М.). Нам объяснили, что “внутрикамерная обработка” означает избивание, пытки.

У человеческого организма есть предел сопротивляемости пыткам, за которым лежит черта превращения человеческого духа в нечто другое» (Газета «Энчи», спецвыпуск, посвященный Г. И. Чорос-Гуркину, 1990 г., Горно-Алтайск. Ответственные за выпуск: Владимир Кыдыев, Эдуард Бабрашев).

По алтайскому поверью, когда люди умирают, их кут, одна из семи ипостасей души, уходит в иной мир, в страну предков. По тонкому висячему мосту из конского волоса кут вначале проходит поверх ненасытной реки из человеческих слез – Тойбодым, прибывает в царство теней, на суд к подземному Богу – Эрлику. Здесь грешник испытывает неимоверные муки, а безгрешные души и убиенные (очищенные самим актом насильственной смерти) уносятся в небеса, в пределы Улу-Кеен Кудая, туда, где находятся их славные предки.

О чем думал, какие слова вырвались из глубин души шестидесятисемилетнего дедушки, когда он увидел черное дуло ружья, направленного прямо ему в сердце? Мы не можем знать, и никто не может знать о последних проблесках сознания великомучеников, но можно предположить, можно вспомнить, что Григорий, сын Эрке-Ивана, был крещеным, он с детства знал историю Иисуса Христа, должно быть, не единожды горько сопереживал тяжелым, тягучим, мучительным часам

распятия, а потому в бессильном отчаянии мог крикнуть в лицо палачам всепрощенческое: «Отче! Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят».

Алтайский художник Владимир Чукуев в интервью от 10 февраля 2018 года (в наши дни!) с недоумением сообщает: *«Иногда звучит, что Гуркин был националистом, что-то еще такое... националистом его никак нельзя называть, националистом он не мог быть, хотя бы потому, что он, ко всему прочему, был порядочным человеком. И все его друзья и окружение были порядочные русские интеллектуалы – Потанин Григорий Николаевич, Анохин Андрей Викторович и др.»*

В годы так называемой перестройки мне довелось снять документальный фильм к 125-летию юбилею Григория Ивановича Чорос-Гуркина. Ключевые события фильма: рождение художника, Академия художеств, учитель, первая персональная выставка, политическая деятельность, эмиграция в Монголию и Туву, возвращение на родину и прерванная сказка – мы с моим соавтором Майей Чочкиной решили снять, используя средства анимации. Такой подход позволил съемочной группе уложиться в крайне скромный бюджет фильма, а главное, усилил эмоционально-художественную выразительность названных сцен. На фильм в качестве художника-постановщика был приглашен Азимбек Торобеков (мы с ним до этого работали на анимационном фильме «Небесный дар»), оператором стал Тургунбек Маматюсупов, его ассистентом – Турсун Мамыралиев (все трое опытные специалисты киностудии «Киргизфильм»). В декабре 1994 года мы вчетвером съездили в Томск и там в главном музее города отсняли три картины Чороса-Гуркина: программную работу – знаменитый «Хан-Алтай» (вариант 1907 года), «Озеро горных духов» и «Корону Катуни».

В лютой мороз, на мизерные деньги, всего на один день съездили мы на встречу с великими творениями Художника. Это было незабываемо: «Бетховен!» – первое, что выдал мозг, а затем долгая пауза, в полной тишине каждый из нас безмолвно всматривался в картину, слова были не нужны...

Я уже упомянула, что фильм снимался на очень малые деньги, поскольку заказчиком было Министерство культуры Республики Алтай – госучреждение сверхбедное. Поэтому фактически работа шла лишь на энтузиазме съемочной группы и при сильной поддержке руководителей музеев, предоставивших бесплатные съемки. Был даже такой случай. В Томске за гостиницу с нас, как иностранцев, запросили двойную плату – миллион рублей (пик инфляции того времени). А у нас «на всё про всё» в смете значится намного меньшая сумма. В ту ночь директор музея Надежда Баравинская взяла нас к себе домой и приветила по всем правилам сибирского гостеприимства.

Насколько мне известно, фильма, посвященного жизни и творчеству Чороса-Гуркина, после этой киноленты не было. А до этого лишь в 1936 году отснят короткий информационный ролик Западно-Сибирской киностудией г. Новосибирска, и ею же в семидесятых годах выпущен документальный фильм. Поэтому хочу поименно назвать всех, кто принимал участие в создании нашего получасового документального фильма с внесением анимации. Точный и выразительный мультипликат осуществил казахский аниматор Куат Кониркульжаев. Блистательную музыку написал Владимир Кончев. Дикторский текст и голос Г. И. Чорос-Гуркина с огромным воодушевлением озвучили Валентина Киндыкова и Валерий Туденев.

кай и кульминационный вокал исполнили несравненные Карыш Кергилов и Раиса Модорова, редакторскую работу осуществил Кайрат Бакбергенов, директором фильма была Наталья Саймина, консультантом – Римма Еркинова. О Римме Михайловне особое слово: будучи директором Национального музея имени А. В. Анохина Республики Алтай, она со всей скрупулезностью собирает где только возможно дополнительные сведения о жизни художника, его потомках и картинах, атрибутирует, сверяет старые и вновь найденные фотоматериалы и прочие документы.

Уверена, все, кто хоть как-то стал причастен к такого рода деятельности, помнит, не забывает, глубоко чтит в душе память о нашем выдающемся соотечественнике.

Художника давно уже нет в живых, а мощный Дух его словно веет над нами, и с каждой встречей с его картинами или письмами, прочитанными жизнеописаниями и исследованиями он становится все более близким, понятным и дорогим.

Дом в Аносе с прилегающим к нему участком ныне превращен в музей-усадьбу Г. И. Чорос-Гуркина.

Одна из центральных улиц г. Горно-Алтайска (Улалы) носит его имя.

И последнее, на что хотелось обратить внимание: в эссе «Алтай и Катунь», написанном художником по случаю открытия выставки в 1915 году в Томске, есть строки:

«Все вокруг первобытно, грандиозно, величаво:

Могучим кольцом раскинулись и ушли в беспредельную даль горы...

Какой везде простор и какая мощь!..

Это ты, заколдованный, угрюмый, царственный Алтай!

Это ты окутался туманами, которые, как мысли, бегут с твоего могучего чела в неведомые страны...

Это ты, богатырь, дремлешь веками, сдвинув свои морщицистые брови, и думаешь свои заветные добрые думы».

До недавнего времени казалось, что еще не родился на Алтае художник, сумевший вслед за Григорием Чорос-Гуркиным передать живописный образ Хан-Алтая такой силы, как она дана в этом мощном всплеске эмоций и чувств. Однако же, ознакомившись с пейзажами художника Владимира Чукуева, моего современника и земляка, вздохнула с легкостью: нет, не прервалась связь времен, не пропали втуне громадные усилия и надежды величайшего из алтайцев, есть преемник неповторимой силы и очарования, есть мастер кисти, равный Г. И. Чорос-Гуркину, при том, что сам он был и останется для нас – Первым.

«Я не буду говорить, что моя жизнь – тяжелый горький труд и несчастья. Нет! Моя жизнь для меня лично – это красивая сказка! И если временно я бываю чем-либо недоволен или сердит, то это такие тучки, которые проносятся над землей, дают временные тени, но не закрывают солнца, не омрачают моего внутреннего счастья – радости жизни». (Из письма детям, 1935 г., Анос).

Алматы, 2020

Фотографии, слайды картин и рисунков Г. И. Чороса-Гуркина предоставлены Национальным музеем имени А. В. Анохина Республики Алтай.

